

Большой талант

...Они пришли вчетвером — знаменитый борец Хаджи Мукан, акын Иса Байзаков, Амре Кошаубаев и Серке Кожемкулов. Первых двух я знал по Куяндинской ярмарке. Мы вместе выпускали живую газету, собиравшую тысячную толпу слушателей. Иса Байзаков читал фельетоны в стихах. Они пользовались огромным успехом, но все же не могли соперничать с выступлениями Хаджи Мукана. Чемпион мира пропускал через себя грузовик АМО. Борец ложился на спину, на него накладывали длинные доски, и трехтонка, переполненная слушателями живой газеты, с грохотом проносилась по выбкому помосту.

Человек, с таким успехом выступавший в живой газете, мог быть полезен и для театра, создаваемого в молодежи столице. Вот почему прославленный казахский богатырь оказался в сообществе молодых актеров. Он был также вызван Наркомпросом в Кызыл-Орду, когда началось собрание художественных сил, могущих принести пользу Казахскому государственному национальному театру.

Амре Кошаубаев, только что возвратившийся из Парижа, щеголял франтовато сшитым костюмом и модными («утюгом») полуботинками. Рассказывая о своем шумном успехе на концертах Всемирной выставки, он пропел «Агаш-Аяк», — песню наиболее всего пленившую иностранцев.

Педагог по образованию, судебный следователь по профессии, Серке Кожемкулов, приехавший из Кустаная, держался застенчиво. Он был молчалив и говорил о себе скромно:

— Пока среди мугалимов — я хороший следователь. Среди следователей — хороший мугалим. Какой буду артист — покажет время.

Вечером мы его видели в спектакле. Ставилась одноактная шутка в одном действии «Мадвод» («Подвода»), сочиненная самим Серке Кожемкуловым. Автор и режиссер играл в ней роль старика — очень смешную и потому выигрывающую. Зрители от души хохотали. Молодой артист находился в ударе. Он держался на сцене, в отличие от своих товарищей, как опытный, бывалый актер.

— Большой комический талант! — одобчительно сказал Хаджи Мукан.

Жизненный путь актера был извилист.

Николай АНОВ

В его отца Кожемкула Жармуканова было шесть сыновей и три дочери. Серке был самым младшим и самым любимым у матери. Старой Айкун пришлось не по душе, когда старший сын Слюймен, взявший после смерти отца бразды правления,

в доме, отправил шестилетнего Серке пасти овец. Но, что можно сказать хозяину? В десять лет Серке уже пахал землю. Он рано узнал цену куска хлеба.

По соседству со Слюйменом жил Алтай. Этот обыкновенный человек, рядовой учитель аула, к тому же бедняк, был отмечен незримой печатью большой мудрости: Алтай умел читать.

В длинные зимние вечера, когда время тянется так долго, Алтай был желанным гостем в любом доме. Он читал книжки, изданные в Казани. Восточные легенды о неустрашимых героях волновали воображе-

ние и детей и взрослых. Серке не сводил восхищенных глаз с Алтая — единственного грамотея в ауле, умевшего распутать колючую проволоку сложной арабской письменности. Почему никто не построит в ауле школу? Серке шестнадцать лет. Он тоже хочет читать.

Но Слюймен не желал, чтобы Серке учился. Из девяти детей Кожемкула Жармуканова только один сын Муса ходил две зимы в школу и вернулся из города обратно.

Напрасно старая Айкун просила Слюймена отправить ее любимца в школу. Он был непреклонен.

— Хорошо! — сказал обиженный Серке. — Мне шестнадцать лет. Я буду думать сам.

И он направился к своему другу и покровителю Алтаю. Юноша сказал:

— Я хочу уйти из дома. Я хочу учиться. Скажи, Алтай-ага, правильно я поступаю или нет? Мне уже шестнадцать лет, а я не знаю ни одной буквы.

И Алтай, подумав, ответил.

— Правильно. На твоём месте я поступил бы так же.

Темная, осенняя ночь спустилась на землю.

Тихо в ауле. Даже собаки не лают. Давно погасли огни костров.

Старая Айкун собирала в дорогу Серке. — Слюймен заснул. Иди. Только будь осторожен.

Мать открыла дверь. Серке вышел на кривую улочку. Возле саманного дувала темнела арба, груженная пшеницей. Старый возчик раздвинул упругие пыльные мешки.

— Ложись! — шепнул он. — И не шевелись.

Серке лежал, затаив дыхание. Он с нетерпением ждал, когда заскрипят колеса арбы. Возчик взял вожжи в руки и причмокнул...

Солнечное утро встретило беглеца в Троицке. Золотые листья тихо падали с деревьев. Серке шагнул по улице, разыскивая русско-татарскую начальную школу по адресу, написанному Алтаем.

Заведующий школой поинтересовался, сколько Серке лет.

— Шестнадцать.

— Не возьмем. Поздно. Об учении надо было думать раньше. Глаза Серке набух-

ли от слез. Учитель сказал:

— Сходи в медресе. Может быть, там возьмут. Серке пошел в татарскую школу. Его приняли в первый класс, где учились малыши. Они прозвали великовозрастного школьника «папашей». «Папаша» учился лучше всех — он понимал, что запылал с учебой на восемь лет.

...Революция всколыхнула Казахстан. В Троицке открылось несколько клубов. Любители драматического искусства создали кружки художественной самодеятельности. Русские, татары, украинцы устраивали спектакли и концерты. Казахского драматического кружка не было. Серке не мог его организовать за отсутствием схотников. Что делать? Пришлось выступать в одиночку, на концертах татарского кружка, с декламацией стихов любимого Абая.

Впрочем, в эти горячие и веселые дни люди не только интересовались художественной самодеятельностью. В степи кипела суровая борьба с алашординцами — врагами советской власти. В степи лилась кровь джигитов. Серке достал винтовку. В партизанском отряде Джангильдина приветливо встретили нового бойца.

Осенью партизаны остановились на отдых в Кустане. В тихом уездном городке отдел народного образования решил открыть казахский театр. Задержка происходила за небольшим — в городе не было актеров. Заведующий горно пошел за помощью к военным людям.

Командир знал, что Серке Кожемкулов умеет смешить бойцов.

— Вот подходящий парень, — сказал командир. — Берите его работать на культурный фронт.

Через год, уже будучи студентом Татарского педагогического института, Серке выступал в Оренбурге перед делегатами первого съезда Советов в пьесе «Мансап Кор-Лар» в главной роли. Это был его дебют на настоящей, большой сцене. Восхищенные зрители, делегаты съезда, разнесли первую славу о мугалиме, который смешит людей, как настоящий артист.

Но Серке Кожемкулову не пришлось работать в школе. Его мобилизовали, как неподкупно честного человека на юридическую работу — следователем уголовного розыска.

Впрочем, между дознаниями следователь успевал выступать в любительских спектаклях, и даже исполнял женские роли, за полным отсутствием в труппе артисток.

Итак, вчерашний следователь стал пер-

вым режиссером Казахского государственного национального театра. Он шел ослепшим, словно слепой, в своей новой работе. Его окружали талантливые люди — Куанышпаев, Умурзаков, Байзаков, Кошаубаев — но они тоже, к сожалению, не имели никакой театральной подготовки. Самый выдающийся из них Амре Кошаубаев был попросту неграмотен. Режиссер варился в собственном соку. Он жадно приглядывался к выступлениям русских актеров, гастролировавших тогда в Кызыл-Орде. Это были единственные его учителя.

Летом Серке Кожемкулов везжал с труппой по городам и аулам Казахстана. Он заглядывал и в соседние республики. Ташкент, Фрунзе и Омск видели его постановки.

Зоркий глаз и верное чутье режиссера помогали Серке находить талантливых молодых актеров. Когда столицу перенесли из Кызыл-Орды в Алма-Ата, Серке обратил внимание на средние школы города. На одном ученическом концерте он отметил девушку-казахку, выступавшую с декламацией.

— Вам надо идти работать в театр, — сказал он девочке, и не ошибся.

Он сумел не только определить самородок золота, но и придать ему ювелирную отделку. Он взял девочку в гастрольную поездку по Туркестану и все лето занимался с нею. Осенью он дал сыграть ей главную роль в пьесе. Ученица средней школы со временем выросла в народную артистку СССР Куляш Байсейтову.

Народный артист Манарбек Ержанов, актеры Калькен Адельшинев, Шарип Марденов и многие другие, еще не отмеченные славой, — все это ученики Серке Кожемкулова. Семь лет, самые трудные годы становления театра, проработал режиссером Серке. На восьмом году в театр пришел работать русский многоопытный режиссер и Серке с большим опозданием как в юности, получил возможность взяться по-настоящему за книгу. Три раза перечитал он Станиславского. «Моя жизнь в искусстве». Книга великого режиссера его потрясла. Новый, увлекательный мир открылся перед Серке Кожемкуловым. Он читал воспоминания знаменитых артистов и расширялся горизонт его представлений о законах и тайнах актерского мастерства.

Декада казахского искусства в Москве открыла в первый раз перед Серке Кожемкуловым двери МХАТа.

Через два года, во время киносъемок

«Амангельды», Серке ходил всю зиму по ленинградским театрам. Он уже приобрел зрелость мастера, получил звание народного артиста и орден.

Во всех городах Казахстана, где побывал Кожемкулов, знают Серке — судью Исмаилов из пьесы «Энлик Кебек», помнят хорошо Лимона из «Аристократов», гоголевского Землянику, шекспировского Яго, дипломата Джиренше из пьесы «Абай». Десятки тысяч зрителей аплодировали веселому, храброму кузнецу Бекету в кинокартине «Амангельды». Тысячи зрителей помнят по фильму «Райхан» обаятельный образ старика Кене, выращивающего табуны колхозных лошадей... А скоро они увидят в картине «Абай» старика Баймагамбета, друга великого просветителя-поэта...

Мы встретились с Серке Кожемкуловым ровно через двадцать лет за кулисами Казахского государственного драматического театра. Шла шекспировская пьеса «Угрошение строптивой». Серке был занят в двух ролях. Его принимали хорошо. Спектакль был поставлен с тонким мастерством. Он проходил в радостных тонах, заражающих зрителя бодростью. Даже в мелких деталях постановки чувствовалась большая театральная культура крепко спаянного коллектива талантливых актеров.

— А помните, — сказал Серке, — наш первый спектакль в Кызыл-Орде, когда мы ставили «Байбеше Токал»? Есть разница?

Потом мы вспоминали нашего общего друга Амре Кошаубаева.

— Это был не только великий певец, но и актер! — сказал Серке. Он умер на моих руках. Как жаль, что ему не пришлось играть Шекспира...

Человек, выучивший первые буквы в шестнадцать лет, заслуженно носит звание народного артиста Казахской ССР. Он рос со своей республикой. Символично, что первый дебют его совпадает хронологически с Первым съездом Советов свободного народа. Творческой деятельности Серке Кожемкулова столько же лет, сколько советской власти в Казахстане.

Четверть века отдано театру не напрасно. Ученики Серке, разбросанные по всем городам республики, начальные познания драматического искусства приобрели от первого режиссера Казахского театра, влюбленного в свое дело. Он сформировал из них основные кадры актеров и заложил прочный фундамент для постройки храма казахского искусства.

КАЗАХСТАНСКАЯ ПРАВДА

г. АЛМА-АТА

21 ОКТ. 45